

УДК 392(470.67)

**ПОЛЕВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ОБРЯДОВОЙ
КУЛЬТУРЕ КУБАЧИНЦЕВ**

Ф.А. Гаджалова

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

gadzhalova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются разные формы обрядовой культуры жителей с. Кубачи. В частности, описаны календарные обычаи, связанные с началом весны, наступлением лета. Охарактеризован один из ярких персонажей свадебного обряда кубачинцев – ряженный-«пьялтар». Проанализирована его трансформация в обрядовой культуре села: от участника представлений союза неженатых до свадебного шуточного персонажа. В статье охарактеризованы и малые формы обрядовой культуры, которые были связаны с магическими представлениями кубачинцев. Отмечено, что и по сей день многие формы обрядов присутствуют в культуре жителей с. Кубачи.

Abstract: The article covers the different forms of ritual culture of the residents of the village of Kubachi. The author presents calendar customs associated with the beginning of spring and onset of summer, describes one of the brightest characters in the wedding ceremony of the Kubachins – the mummer (“pyaltar”), and analyzes his transformation in the ritual culture of the village: from the participant of the performance of the union of unmarried people to the wedding comic character. The author of the article also describes minor forms of ritual culture associated with magical views of the Kubachins. It is noted that many forms of rites survive to this day in the culture of the residents of the village of Kubachi.

Keywords: Dagestan, Kubachi, ceremonial culture, calendar holidays, wedding, mummers, minor forms of ritual ceremonial actions.

Ключевые слова: Дагестан, Кубачи, обрядовая культура, календарные праздники, свадьба, ряженные, малые формы ритуальных обрядовых действий.

Различные стороны материальной и духовной культуры с. Кубачи затрагивали в своих работах многие историки, этнографы, искусствоведы. Фундаментальным трудом, являющимся основой изучения истории, искусства, культуры кубачинцев, является монографическое исследование известного ученого-этнографа Е.М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды» (Шиллинг Е.М., 1949 (переизд. 2012 г.). Подробно описав материальную культуру (в том числе ремесла), историю социального строя и общественных институтов, оставшихся в историческом прошлом, Е.М. Шиллинг не успел описать всю обрядовую культуру кубачинцев (а он как никто другой сделал бы это на высоком исследовательском уровне). Сведения о весенних праздниках с.Кубачи, об обрядах вызывания солнца, дождя и т.д. рассмотрены в диссертации М.А. Магомедовой «Календарные обряды даргинцев (XIX – нач. XX в.)» (Магомедова М.А., 1987).

Наши полевые сведения, собранные в 2011–2014 гг., позволят дополнить имеющиеся данные по календарным обрядам и ввести в научный оборот новый материал по свадьбе кубачинцев. Ценные сведения мы получили от информаторов З.Ю. Юбазшева., Г.М. Гаджаловой, С.Г.Машинаевой и др., за что я им очень признательна. Свадебные ритуалы и некоторые малые формы обрядов мне приходилось наблюдать самой.

Обрядовая культура – комплексное понятие; обряды сопровождают важные моменты человеческой жизни, связанные с рождением, свадьбой, трудовой деятельностью, смертью. Наши полевые материалы касаются календарных, свадебных обрядов кубачинцев, а также малых форм

обрядовых действий, совершаемых по тому или иному поводу. Собранные нами данные охватывают последние 70 лет. Именно в этот отрезок времени в кубачинской обрядовой культуре стали происходить изменения, которые больше всего коснулись календарных обрядов, малых форм ритуальных действий. Такая обрядность сегодня уже не бытует, и сведения о них можно собрать с трудом. В свадебных обрядах изменений было меньше, многие свадебные ритуалы используются кубачинцами и по сей день. Полнота обрядового комплекса, как показал материал, была тесно связана с благополучием сельчан. В годы войн и трудностей обряды часто не проводились.

Праздником начала весны (если зима была снежной) в с. Кубачи являлся праздник «чях кабилтун» (букв. «устроить шум», чях – «шум воды» – звукоподражательное слово). По рассказам информаторов, этот праздник последний раз отмечался в конце 60-х гг. XX в. О начале праздника возвещали стрельбой из ружей. В местечке «ЧяххятГла» (небольшой лощине горы «Цициля»), где ранней весной текло много ручьев от растаявшего на горных склонах снега, из бревен, камней, глины устраивалась запруда. В ее устройстве «чях кабти» участвовали мужчины, юноши, мальчики. К запруде подводились мелкие и большие ручейки, стекающие с горы «Цицила». Основной целью обряда являлось собрать эту талую воду и выпустить ее, чтобы она издала громкий шум. По мере того, как в запруду набиралась вода, сюда подходили сельчане: дети, взрослые. Когда в запруде скапливалось много воды, в нее заходил мужчина с палкой, чтобы, как говорят информаторы, определить ее глубину. Возможно, это действие имело другой магический смысл, который со временем был утрачен.

Основной момент праздника – открытие запруды – сопровождалось праздничным оживлением, стрельбой, криками, целью которых было предупредить людей, если они могли оказаться на пути потока воды из запруды. От мест, куда мог стечь поток талой воды, отгоняли скот, гуляющих детей, взрослых. Вода с шумом потока устремлялась вниз по ущелью. Именно шум спускаемой воды был основным магическим моментом праздника. Как нам сообщил информатор З.Ю. Юзбашев, вспоминая этот праздник, если шум воды был громким, по поверьям, год должен был быть урожайным. После открытия запруды устраивались состязания, игры.

Еще одним праздником, проходившим в с. Кубачи на 40 день весны, был праздник «улилла шиниге букьи» (букв. «пойти за водой от сглаза»). Гуляние начиналось рано утром. Сигналом начала праздника служила стрельба и красные платки, которые выстилались на видимом месте горы «Цицила», напротив села. Главная цель праздника – принести воду из родника под названием «Улилла шин», который располагается и действует по сей день недалеко от с. Шири, находящегося от с. Кубачи в 5 км. Для этого девушки несли с собой водоносные кувшины «мучал» и «кьуткья», чтобы заполнить «целебной» водой, принести их домой. По рассказам информаторов, в прошлом на это гулянье девушки и юноши выходили отдельно друг от друга. Дойдя до источника, девушки купались, наполняли кувшины водой, после чего устраивали танцы. Юноши же находились в это время неподалеку и, дождавшись, когда девушки начнут танцы, в свою очередь тоже купались у родника. Затем там же отдельно устраивали танцы. Между танцами собирали цветы первоцвета «анжакьуппе», составляя большие букеты. Совместных танцев в прошлом не устраивали. На таких гуляньях обычно парни приглядывали себе невест.

Возвращаясь обратно, девушки и юноши останавливались в с. Амузги, где совместно с местными жителями устраивали танцы, отдыхали, после чего процессия двигалась дальше. В местечке «ГянччибачИла», расположенном недалеко от с. Кубачи, встречать участников праздника выходили все сельчане: дети, старики, мужчины и женщины. Встречающие активно включались в танцы, веселье. Завершался праздник к вечеру. Кувшины с водой «от сглаза» еще долго напоминали прошедший праздник. Этой водой купали больных, пили ее при разных недугах.

Трансформация данного праздника привела к тому, что примерно с 60-х–70-х гг. XX в. дату обряда стали приурочивать к празднику Победы, 9 мая. Так же, как и раньше, юноши и девушки ходят к источнику «улилла шин», танцуют, веселятся, собирают цветы, только делается это уже сообща. Сегодня старая ритуальность уже не соблюдается. На этот праздник съезжается городская молодежь, как в прошлом, здесь происходят знакомства, юноши выбирают себе невест.

Во многом похожим на этот праздник был и праздник сбора цветов девясила «хьалбумккан угге» (букв. «цветы, оберегающие дом»), проходивший в начале лета. В пятничный день юноши и девушки, молодые женщины, мужчины, дети ходили на гору «Беггила». Здесь устраивали танцы, в перерывах которых собирали букеты цветов, которым приписывали магическое свойство. По возвращении букеты помещали под балочное перекрытие комнаты. Существовало поверье, что

девясил ограждает дом от бед и несчастий. Такие высохшие букеты можно было видеть во многих домах. И сейчас любители цветов небольшими компаниями ходят на сбор цветов-оберегов.

В вышеназванных праздниках выделяются элементы, в которых можно усматривать пережитки, связанные с культом плодородия, воды, культом растительности. Со временем какие-то обряды были утрачены вовсе, а другие трансформировались в народные гуляния, игровые действия, многие ритуальные действия в обрядах утратили свой первоначальный смысл.

В обрядовой культуре кубачинцев наиболее полно сохранила свои самобытные черты свадебная обрядность. В этих обрядах яркие, этнолокальные черты можно проследить в праздничной одежде, в украшениях, в материальных компонентах обряда, других особенностях. Устойчивость и сохранность свадебной обрядовой культуры кубачинцев и многих ее составляющих объясняется вековой традицией строго соблюдавшихся эндогамных запретов: кубачинок не выдавали замуж в другие селения; равным образом кубачинцы не брали себе невест из других селений. Надо сказать, что подобные запреты действуют и до сих пор, но в последнее десятилетие участились случаи «женившихся не на своих», что всячески не одобряется близкими и осуждается односельчанами.

Как мы уже писали выше, свадебные обряды со временем изменялись лишь частично, а некоторые элементы не исчезали, а трансформировались, обретая новые формы. Если описывать свадебные обряды, подробно со всеми нюансами и сравнительными параллелями, для этого потребуется отдельный доклад.

Для данного сообщения мы выбрали персонажей свадебного обряда у кубачинцев ряженных «пальтаров». Ряженные веселили публику на свадебном сборище, куда приходили все жители села. Шуточными номерами они вносили своеобразное оживление.

Одежда «пальтара» состоит из белой рубашки, поверх которой надевается кольчуга, белые штаны, войлочная маска, сапоги, а также колокольчики, привешенные в виде браслетов. Примерить такой наряд и выступить в роли «пьялтара», как и раньше, может любой неженатый мужчина, который всячески старается быть неузнанным (для чего даже искажает голос).

Подобные персонажи, по информации, которую собрал Е.М. Шиллинг, в прошлом были участниками мимического представления союза неженатых. Небольшие сведения о ряженных, на которые обратил внимание Е.М. Шиллинг, «...кроме незначительных эпизодов свадебных игр, потянули за собой весьма обильный материал особого цикла игр, к которому собственно и относится основное назначение этих масок... цикл «гулала аку букон» ... особого общественного института – союза неженатых» (*Шиллинг Е.М.*, 1949 (переизд. 2012 г.). С.160–161). Со временем, когда самой жизнью традиции таких союзов были отброшены, «пьялтара» стали частью свадебного представления.

Очень интересны маски ряженных, которые шились из темно-коричневого, темно-серого или черного войлока. Маска имеет отверстия для глаз, ушей и носа. Около носового и ушных отверстий пришивались нос и уши из кусочков войлока. Маски покрывались при помощи извести белыми полосами, которые хорошо выделялись на фоне войлока. На макушке маски имели чуб, сделанный из коровьего хвоста. В Музее народов России есть коллекция таких масок, которые в 1925 и 1936 гг. собрал Е.М. Шиллинг. По сей день, местные умельцы шьют такие маски или обновляют старые, передавая желающим весь костюм ряженого, для участия в шуточных представлениях.

Если в прошлом (годы до Октябрьской революции) ряженные «пальтары» разыгрывали шуточные сцены с элементами пантомимы на празднике союза неженатых, то уже в 1924 г. они являлись участниками свадебного торжества. Персонаж внешне не изменился (вышеописанный костюм ряженого не претерпел изменений), но периодически меняется поведение ряженого. Если в начале XX в. разыгрывались многочисленные сцены с большим количеством действующих лиц (эти действия описаны К.М. Пашкевичем, членом экспедиции, работавшей в с. Кубачи в 1924 г. под руководством проф. Н.Ф.Яковлева, чьи выдержки из полевого дневника привел Е.М. Шиллинг в своей монографии) (*Шиллинг Е.М.*, 1949 (переизд.2012 г.). С. 178–180), то уже в середине XX в. шуточные действия «пальтаров» уже не такие сложные, упрощенные.

В наши дни такое торжественное свадебное сборище, прошедшее без участия ряженных, дети считают неинтересным и скучным, а молодежь все чаще ленится принимать участие в шуточных играх.

В последнее десятилетие в свадебной обрядности, несмотря на наличие яркой внешней атрибутики, фиксируются и проблемы. Большое число молодежи, приезжающих на свадьбу из городов, нередко привносит в свадьбу дезорганизацию, нарушая последовательность многих элементов свадебных ритуалов, т.к. их смысловое значение никто не знает. Поэтому многие

элементы, превратившиеся в игровые действия, к сожалению, постепенно забываются. Этому способствует и то, что распитие спиртных напитков стало занимать значительное место в свадьбе. На кубачинских свадьбах редко кто поет; поют только приглашенные артисты. Редко играет и традиционная музыка – зурна с барабаном. Их место заняли вокально-инструментальные ансамбли.

Помимо вышеназванных календарных и свадебных обрядов, в которых принимало участие большое количество людей, мы хотим также остановиться на малых формах ритуальных обрядовых действий, совершаемых по тому или иному поводу. В них участвовало обычно от одного до трех человек. Считалось, что эти действия имели магические свойства, они были направлены на улучшение состояния здоровья больного, как ребенка, так и взрослого.

Обрядовое действие «щце тьякъаги» (букв. «соль стреляет») применялось чаще к детям. Если после посещения гостей ребенок сильно плакал, не мог уснуть, предполагали, что кто-то «недоброжелательно» посмотрел на ребенка, сглазил. Для снятия такого сглаза небольшую горсть крупной соли, зажав в руке, проводили над головой ребенка, приговаривая всякого рода заговоры. После этого кидали соль на сковороду или металлический лист, раскаленные на огне. Соль начинала издавать треск, и чем громче он был, тем сильнее, по мнению, проводящего обряд, был сглаз, который по поверьям, и снимал этот треск.

Еще одним обрядовым действием, применяемым по отношению к детям, если ребенок приболел, простудился, признаками чего являлись недомогание, воспаление глаз и др., было «ляй-сулалла кичиб» (букв. «на ухо-зуб упал»). Для «лечения» ребенка укладывали на живот, затем правую руку и левую ногу скрещивали до касания и поплевывали на место их касания. Затем процедуру повторяли с другой рукой и ногой. Кроме того, ребенка поднимали («вытягивали») держа за подбородок и затылок, так же поплеывая. Ту же процедуру повторяли, держа ребенка за виски.

Следующее обрядовое действие «укле кабетИи» (букв. «сердце отлить») проводились при испуге. Если сильно испугался мальчик или мужчина, то расплавляли олово и лили металл через конус отверстия пряслицы в воду (обычно для этого использовали традиционную каменную ступку с водой). При литье приговаривали. Если испугалась женщина, то лили расплавленный воск, и все повторялось так же. Застывший в воде слиток должен был напоминать по форме сердце, и, если он не получался с первого раза, процесс литья повторяли до тех пор, пока он не получал нужную форму.

Обрядовое действие «булкья-ца дакьи» (букв. «дым-огонь сделать») совершалось, если предполагалось, что кого-то сглазили «уле бичиб». Наличие сглаза определяли по плохому самочувствию, нервозности того человека, к которому применяли обряд. Для проведения обряда брали кусочки одежды, волосы больного, мелкие ветки, все это сжигали, читая молитвы. Неизменным атрибутом этого действия была и сера, дым и запах которой, видимо, и был призван снять с больного порчу, «дурной глаз».

Народным средством для лечения душевнобольных, людей неадекватного поведения, было усаживание в особую корзину «дешла мигвил кати» (букв. «посадить в сапетку из прутьев черноплодной рябины»). Мне рассказал информатор, что как-то дети по ошибке съели со съедобными кореньями и что-то другое ядовитое, отчего стали вести себя неадекватно (лезли на стену, кривлялись и т.д.). Чтобы их «вылечить» родители достали большую сапетку, сплетенную из прутьев черноплодной рябины («дешла Чип»), и по очереди сажали мальчишек в него, и трясли их.

Некоторые из перечисленных малых форм обрядовых действий бытуют у кубачинцев и сегодня, их применяет старшее поколение в тех или иных случаях.

Таким образом, кубачинская обрядовая культура показывает немало локальных особенностей, дальнейший поиск которых поможет углубить эти наблюдения.

ЛИТЕРАТУРА

Магомедова М.А. Календарные обряды даргинцев (XIX – нач. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. – 22 с.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. М., Л., 1949. (Переизданное издание. Махачкала, 2012 г.). – 240 с.

ИНФОРМАТОРЫ

1. Юзбашев Закарья 1931 г.р.
2. Гужаев Гаджикурбан 1949 г.р.

- 3.Машинаева Салихят 1935 г.р.
- 4.Рабданова Издаг 1929 г.р.
- 5.Гаджалова Галимат (1939–1914).